

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА: ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ¹

Е. В. Кудряшова

Кудряшова Екатерина Викторовна

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Татищева ул., 20а, Астрахань, 414056, Россия.

Эл. почта: eafanasova@mail.ru. ORCID 0000-0002-9943-6394.

Аннотация. В контексте современных глобальных вызовов и внутренних трансформаций символические аспекты политики приобретают ключевое значение для консолидации общества и легитимации власти. Данное исследование посвящено комплексному анализу механизмов и акторов символической политики в Азербайджанской Республике, направленной на конструирование национальной идентичности и управление исторической памятью. Теоретико-методологический фундамент работы составляют классические и современные концепции политического символизма, разработанные в трудах М. Эдельмана, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Р. Кобба и Ч. Элдера, а также отечественных исследователей, таких как О. Ю. Малинова и А. В. Бабайцев. Политический символ определяется в статье как сложный многокомпонентный феномен, оказывающий мощное воздействие на эмоционально-ценностную сферу и выступающий медиатором между индивидом и социально-политической реальностью. Эмпирическую базу исследования составили результаты смешанного метода, включавшего количественный и качественный подходы. Результаты исследования демонстрируют высокую степень персонализации политического пространства Азербайджана. Качественный анализ выявил доминирование общегражданской идентичности («гражданин Азербайджана») над этнической, религиозной и территориальной, что свидетельствует об эффективности государственной политики в сфере консолидации нации. На основе полученных данных в статье выстраивается трехуровневая модель акторов символической политики: 1) политические и интеллектуальные элиты, задающие основные рамки интерпретации реальности; 2) профессионалы сферы культуры, медиа и образования, выступающие посредниками и со-творцами символов; 3) социальные аудитории, которые не пассивно потребляют, но активно переосмысливают предлагаемые символические конструкты. В заключении делается вывод, что символическая политика в Азербайджане представляет собой динамичный и многогранный процесс, успешно сочетающий апелляцию к историческому наследию с проекцией на современные реалии. Формирование устойчивой общегражданской идентичности и акцент на образ народа как ключевого символа позволяют стране эффективно реагировать на вызовы глобализации, обеспечивая внутреннюю стабильность и преемственность национального развития.

Ключевые слова: символическая политика, символ, политический символ, национальная идентичность, Азербайджанская Республика.

Для цитирования: Кудряшова Е. В. Символическая политика Азербайджана: трансформация в условиях современных вызовов. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2026. Т. 27. № 1. С. 35–48.

Введение

В политической науке наблюдается растущий интерес к исследованиям символического аспекта политики. Государственные структуры и научные сообщества все чаще обеспокоены проблемами создания национальной идентичности,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

влияния политики на восприятие истории и управление исторической памятью. Для изучения различных явлений, таких как брендинг территорий, легитимация власти, электоральная политика, применяется теоретическая основа символической политики. Все данные феномены несомненно связаны с дискурсивным построением социальной действительности и управлением символами.

В условиях современной геополитической нестабильности и внутренних социальных трансформаций проблема консолидации общества и легитимации власти приобретает особую актуальность. Социальная проблема, обуславливающая необходимость данного исследования, заключается в поиске эффективных механизмов формирования общенациональной идентичности в эпоху глобализации, культурной гибридизации и информационной перенасыщенности. Для многих государств, переживающих сложные исторические переходы, в том числе и для Азербайджанской Республики, ключевым вызовом становится создание устойчивой системы ценностей и символов, способной сплотить полиэтническое население вокруг общих целей развития и обеспечить внутреннюю стабильность.

Научная проблема исследования связана с недостаточной эмпирической изученностью конкретных механизмов и акторов символической политики в различных национальных контекстах. Несмотря на наличие солидного теоретического задела в области политического символизма (М. Эдельман, Р. Кобб, Ч. Элдер, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман), остается дискуссионным вопрос о том, как именно конкурирующие интерпретации социальной реальности, продвигаемые различными группами влияния, усваиваются и переосмысливаются массовым сознанием. Существует дефицит работ, комплексно анализирующих взаимосвязь между целенаправленными действиями элит по конструированию идентичности и повседневыми практиками восприятия этих символов гражданами.

Целью данного исследования является комплексный анализ механизмов и акторов символической политики в Азербайджанской Республике, направленной на конструирование национальной идентичности и управление исторической памятью.

Концептуальная рамка исследования

Теоретическую основу данного исследования составляют междисциплинарные подходы, позволяющие комплексно анализировать природу, функции и механизмы воздействия политических символов. В работе синтезированы ключевые положения из области политической науки, социологии, культурологии и семиотики.

Семиотико-философский подход позволяет рассматривать символ как универсальную форму выражения человеческого существования в культуре, обладающую многозначностью и способностью аккумулировать разнообразные ассоциации.

Работы М. Эдельман заложили основу теории политических коммуникаций, где символические действия трактуются как инструменты преобразования общественного мнения и создания определенных интерпретаций реальности. В рамках коммуникативно-политического подхода символическая политика определяется как целенаправленное продвижение доминирующих способов интерпретации социальной реальности (Малинова, 2010).

Исследование Р. Кобба и Ч. Элдера выделило трехкомпонентную структуру политического символа, где аффективная (эмоциональная) и оценочная составляющие преобладают над когнитивной. Этот подход подчеркивает, что эффективность символической политики основывается на ее способности воздействовать на эмоционально-ценностную сферу, регулируя поведение и сознание больших социальных масс. Эмоции рассматриваются как катализатор распространения символических конструкторов и формирования общественного мнения.

В рамках структурно-функционального подхода анализируются функции символов в консолидации политических сообществ. Государственная символика (флаги, гербы, гимны) не только репрезентирует институты власти, но и олицетворяет исторические достижения, культурные особенности и базовые ценности нации, способствуя укреплению чувства принадлежности и единства.

Интеграция этих теоретических подходов позволяет осуществить комплексный анализ символической политики как многоуровневого процесса конструирования социально-политической реальности, где взаимодействуют институциональные механизмы, акторские стратегии и эмоционально-ценностные компоненты общественного сознания.

Символические аспекты политики в условиях современной нестабильности представляют собой сложное явление, побуждающее исследовательский интерес. Применение в данном исследовании социологического метода в вопросах проведения символической политики на территории Азербайджанской Республики способствовало выделению современных трендов и перспектив реализации. В рамках практической основы исследования автором был применен синтез нескольких социологических методов:

1) опрос в форме электронного анкетирования, проведенный в сентябре 2023 г., целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Азербайджане. В качестве объекта исследования выступали граждане Азербайджана. Предмет исследования — особенности конструирования новых идентичностей в Азербайджане (в частности, затрагивались вопросы языковой политики в стране). Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 350 респондентов. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Азербайджана), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов;

2) серия фокусированных групповых интервью, проведенная на территории Азербайджанской Республики. Были проведены пять фокусированных групповых интервью: три со студенческой молодежью в возрасте от 18 до 30 лет; одно с лицами среднего возраста (31–50 лет) и одно с пожилыми людьми (старше 50 лет). Выборочная совокупность исследования была гомогенна по таким признакам, как гражданство участников и возраст.

Теоретические особенности исследования понятий «символ» и «символическая политика»

Символ является одним из способов, с помощью которых человек познает окружающий мир. Символы способствуют освоению действительности, получению и передаче информации, а также формированию и развитию социально-культурного

пространства общества. Символ представляет собой универсальную форму выражения человеческого существования в культуре. Понимание человека возможно именно через его способность к символическому оформлению окружающего мира. Вся человеческая культура представляет собой систему символов (Соловей, 2013).

Сами по себе символы, лишенные связи с реальностью или доминирующей идеей в общественном сознании, не способны в полной мере раскрыть истинные механизмы и мотивы, которые влияют на действия отдельных людей и социально-политических групп. Таким образом, подобные символы в первую очередь представляют собой концепцию национального единства и величия. Они функционируют как особые средства коммуникации между людьми, позволяя им осознать свою принадлежность к конкретной социальной группе и усвоить идеалы, которые пронизывают эту общность.

Символы имеют глубокую связь с иррациональными и эмоциональными компонентами. Они могут активировать скрытые уровни подсознания, базируясь на чувствах, пробуждать разнообразные эмоции, воспоминания и ассоциации (Ефремова, 2015). Об этом писал А. Ф. Лосев: «...символ включает в себя все то, что характерно для абстрактного мышления, прежде всего четкое различие и противопоставление элементов действительности, четкое их объединение в синтетическое целое, обобщение данных чувственного опыта и превращение всей ползучей чувственной действительности в обобщенную закономерность» (Лосев, 1991).

Символ имеет множество значений и ассоциаций. Чем больше значений он содержит, тем более глубоким становится его содержание. Ю. М. Лотман отмечал: «Его [символа] инвариантная сущность реализуется в вариантах. Именно в тех изменениях, которым подвергается “вечный” смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменяемость» (Лотман, 2010).

А. В. Бабайцев предлагает следующее определение политического символа: «это развернутый по содержанию знак, который вызывает сильные эмоциональные ассоциации и используется политическими субъектами при осуществлении, изменении или удержании власти в качестве медиатора — особого посредника между человеком, группой людей и социально-политической реальностью» (Бабайцев, 2014).

Таким образом, символ представляет собой специфический знак, который ассоциируется с общественно разделяемыми значениями. Он играет важную роль в процессе восприятия и может вызывать определенные эмоциональные реакции и переживания, которые варьируются в зависимости от контекста его использования.

Символизм в политике проявляется в разнообразных аспектах. Как указал французский исследователь Д. Спербер, который специализируется на когнитивной антропологии и лингвистической прагматике, полное объяснение символизма невозможно. Однако можно выделить множество явлений, которые он охватывает, включая мифы, языковые конструкции, религиозные ритуалы и знаки вежливости (Sperber, 1975).

Изучение символизма в политике стало актуальным благодаря работам М. Эдельмана, опубликованным в 1960–1970-х гг. (Edelman, 1971, 1964). Исследователь представил авторскую концепцию применения символизма в политике. Данный подход лег в основу теории политических коммуникаций. М. Эдельман указывает на то, что политика может восприниматься по-разному: для небольшой группы активных участников она выступает как средство достижения целей, в то время как для широкой аудитории она представляется неким спектаклем.

Исходя из этого, «исследователи должны уделять внимание тому, как политические действия преобразуют определенные аспекты в реальные и значимые вещи, а также как они влияют на изменения в общественном мнении» (Ефремова, 2014).

Символическая политика заключается в применении данных знаков политическими акторами в целях продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» (Малинова, 2010).

Основа функционирования символической политики строится на ценностно-эмоциональном влиянии, устанавливающим у реципиентов представление об общественно-политической реальности и модели политического поведения. Эмоции и чувства имеют наибольшее влияние на взгляды и поступки людей, превращая символическую политику в эффективный и универсальный инструмент регулирования поведения и сознания больших социальных масс. В контексте символической политики этот аспект становится особенно важным, поскольку именно эмоциональная составляющая делает её эффективным и универсальным инструментом регулирования поведения и сознания больших социальных масс.

Эмоции также способствуют быстрому распространению информации и формированию общественного мнения. Когда люди испытывают сильные чувства, они более склонны делиться своими впечатлениями с другими, что усиливает влияние символической политики на общественное сознание. Таким образом, эмоциональный компонент делает символическую политику мощным инструментом воздействия на большие группы людей, позволяя формировать и направлять общественные настроения в нужное русло.

Наиболее детальное исследование ценностно-эмоционального влияния представлено в трудах Р. Кобба и Ч. Элдера. Авторами были выделены «три основных элемента политического символа: когнитивный (информационный), аффективный (эмоциональный) и оценочный (значимость символа для получателя)» (Кобб, 2009). При этом аффективная и оценочная составляющие символа являются наиболее важными. Согласно классификации авторов, в структуре большинства символов преобладало аффективное содержание. Эти символы, относящиеся к классу «политическое сообщество», являются наиболее абстрактными, но в то же время отражают базовые ценности.

Как подчеркивал О. Шпенглер, единство любой культуры основывается на общем языке символов. Каждая нация формирует и ценит уникальные символы, которые возникают из многовековой традиции. В этом контексте важную роль играют знамёна, флаги, гербы и иные атрибуты, способствующие государственно-политической самоидентификации.

Знамёна и флаги, например, не только представляют государственные учреждения, но и отражают исторические события, культурные особенности и ценности нации. Они способны вызывать сильные эмоции. Гербы же, с их богатой символикой, часто олицетворяют исторические достижения, природные ресурсы и культурные особенности народа. Они используются в официальных документах, на государственных зданиях и в других контекстах, подчеркивающих идентичность нации. Таким образом, уникальные символы, возникшие из традиций каждой нации, способствуют укреплению чувства принадлежности и единства среди граждан, помогая им осознавать свои корни и культурную идентичность в изменяющемся мире.

Некоторые символы появляются спонтанно в ходе жизнедеятельности большинства или всех членов культурного и политического сообщества, тогда как

другие разрабатываются и целенаправленно внедряются элитами (Политическая культура, 2024).

Акторы символической политики

Политические и интеллектуальные элиты задают общие рамки для интерпретации социальной реальности, применяя властный контроль и создавая ключевые мифы и символы. С их точки зрения, «такие элементы могут на текущем этапе развития общества формировать последовательное и целостное восприятие реальности, связывая «настоящее» с «прошлым» и устанавливая ориентиры для «будущего»» (Березняков, Козлов, 2015). Указанные группы влияния — это первая группа акторов, которые признают механизм символической политики.

Таким образом, влияние политических и интеллектуальных элит на восприятие социальной реальности не ограничивается лишь абстрактными концепциями; оно находит конкретное выражение в различных странах и культурах. В частности, в Азербайджане, находящемся на пересечении Европы и Азии, это влияние осуществляется через богатую историю и культурное наследие, которые отражаются в политических символах. Эти символы не только представляют государственные и национальные ценности, но и играют важную роль в формировании идентичности народа.

Политическая символика Азербайджана претерпела значительные изменения на протяжении его истории, особенно в контексте политических и социальных трансформаций, происходивших в стране. Эти изменения отражают как внутреннее, так и внешние факторы, влияющие на национальную идентичность и самоопределение народа.

От советского наследия до современных символов каждый этап развития страны оставляет свой след на ее символической системе. В условиях глобализации и современных вызовов Азербайджан продолжает искать баланс между историческими традициями и современными реалиями, что делает его политическую символику динамичной и многогранной.

Понимание этих символов позволяет глубже осознать дух и ценности азербайджанского народа, а также его стремление к независимости и процветанию.

В ходе проведенного нами количественного социологического исследования на территории Азербайджанской Республики (N-320) было выявлено, что именно представители политической и интеллектуальной элиты вошли в пятерку ее основных символов.

По мнению участников опроса, вошли следующие персоналии: 1) Гейдар Алиев; 2) Ильхам Алиев; 3) Мамед Эмин Расулзаде (бывший председатель Национального совета Азербайджана); 4) Гаджи Зейналабдин Тагиев (азербайджанский промышленник, общественно-политический деятель XIX–XX вв.); 5) Мехрибан Алиева (первый вице-президент Азербайджана, жена Ильхама Алиева) (см. табл. 1).

Вторую группу акторов в механизме символической политики составляют профессионалы в области культуры, массмедиа и образования. Данные акторы активно вовлечены в повседневный процесс социализации будущего поколения, а также создание представлений о социально-политической действительности. «Исполняя роль посредников между элитами и населением, при значительной их автономии, подобными акторами переосмысливается идеологическая концепция. Они превращаются в своеобразных со-творцов символической политики»

Таблица 1. Кого (что) Вы считаете символом Азербайджанской Республики? (открытый вопрос)²

Table 1. Who (what) do you consider a symbol of the Republic of Azerbaijan? (open question)

	Вариант ответа	Количество коммен- тариев	%	Без учета затруднившихся ответить (%)
1	Гейдар Алиев	102	16,4	26,4
2	Ильхам Алиев	91	14,6	23,5
3	Мамед Эмин Расулзаде (бывший председатель Национального совета Азербайджана)	43	6,9	11,1
4	Гаджи Зейналабдин Тагиев (азербайджанский промышленник, общественно-политический деятель XIX–XX вв.)	15	2,4	3,9
5	Мехрибан Алиева (первый вице-президент Азербайджана, жена Ильхама Алиева)	15	2,4	3,9
6	Герб	13	2,1	3,4
7	Муслим Магомаев	13	2,1	3,4
8	Флаг	11	1,8	2,8
9	Низами Гянджеви (классик персидской поэзии)	10	1,6	2,6
10	Армия Азербайджанской Республики	8	1,3	2,1
11	Гимн	6	1,0	1,6
12	Исмаил первый (шахиншах, полководец и поэт, основатель династии Сефевидов)	6	1,0	1,6
13	Народ Республики Азербайджан	6	1,0	1,6
14	Узеир Гаджибеков (азербайджанский, советский композитор)	6	1,0	1,6
15	Абульфаз Гадиргулу оглы Эльчибей (Президент Азербайджана 1992–1993 гг.)	4	0,6	1,0
16	Мубариз Агакеримоглы Ибрагимов (прапорщик Вооружённых сил Азербайджана, национальный герой Азербайджана)	3	0,5	0,8
17	Подал Бюльбюль оглы (бывший министр культуры Азербайджана)	3	0,5	0,8
18	Полад Исраилоглы Гашимови (азербайджанский военный деятель, национальный герой Азербайджана)	3	0,5	0,8

² Отчет по итогам поискового количественного социологического исследования «Описание процесса формирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе (на примере Азербайджанской Республики)». Астрахань, 2023.

Таблица 1. Продолжение
Continuation of the table 1

	Вариант ответа	Количество коммен- тариев	%	Без учета затруднившихся ответить (%)
19	Узеир Абдул-Гусейноглы Гаджибеков (азербайджанский, советский композитор)	3	0,5	0,8
20	Гусейн Джавид (азербайджанский педагог, поэт и драматург)	2	0,3	0,5
21	Сафияр Абузароглы Бехбудов (национальный герой Азербайджанской Республики)	2	0,3	0,5
22	Физули (город в Азербайджане)	2	0,3	0,5
23	Алимардан-бек Алекбероглы Топчибашев (азербайджанский общественный и государственный деятель)	1	0,2	0,3
24	Аяз Ниязи оглы Муталибов (советский и азербайджанский политический и государственный деятель)	1	0,2	0,3
25	Гасан Бабек (вождь крупного народного восстания в Азербайджане и Западном Иране в 816 г.)	1	0,2	0,3
26	Государственные органы	1	0,2	0,3
27	Джейхун Азизоглы Байрамов (министр иностраных дел Азербайджанской Республики)	1	0,2	0,3
28	Интеллигенция	1	0,2	0,3
29	Исмет Исмаил оглы Гаибов (Первый Генеральный прокурор суверенного Азербайджана)	1	0,2	0,3
30	Кёроглы (фольклорно-эпический памятник тюркских народов)	1	0,2	0,3
31	Лотфи Заде (азербайджанский, американский математик и логик)	1	0,2	0,3
32	Мехман (озеро в Азербайджане)	1	0,2	0,3
33	Министр национальной безопасности Азербайджана	1	0,2	0,3
34	Молла Насреддин (азербайджанский еженедельный литературно-художественный иллюстрированный сатирический журнал, издававшийся в Тифлисе)	1	0,2	0,3

Таблица 1. Окончание
End of table 1

	Вариант ответа	Количество коммен- тариев	%	Без учета затруднившихся ответить (%)
35	Памятник «Железный кулак» (в честь проведённой осенью 2020 года Вооружёнными силами Азербайджана военной операции в Нагорном Карабахе)	1	0,2	0,3
36	«Пламенные башни» — небоскрёбы, расположенные в Баку	1	0,2	0,3
37	Рашид Меджидоглы Бейбутов (советский, азербайджанский эстрадный и оперный певец)	1	0,2	0,3
38	Сурет Давудоглы Гусейнов (азербайджанский военный и государственный деятель)	1	0,2	0,3
39	Фатали Хан Искендероглы Хойский (российский юрист и азербайджанский политический деятель)	1	0,2	0,3
40	Хошбахт Юсифзаде (азербайджанский геолог-нефтяник. Первый вице-президент ГНКАР)	1	0,2	0,3
41	Хусейн-Кули-хан (пятый и последний правитель Бакинского ханства)	1	0,2	0,3
42	Чай	1	0,2	0,3
	<i>Итого</i>	387	62,1	100,0
	<i>Затруднились ответить</i>	—	37,9	—

(Березняков, Козлов, 2015, с. 175). Происходит это в силу того, что культура и искусство играют важную роль в формировании идентичности наций.

В список топ-10 символов Азербайджанской Республики, по мнению участников опроса, вошли Муслим Магомаев и Низами Гянджеви (классик персидской поэзии), которых вполне можно отнести к агентам индустрии культуры, медиа и системы образования.

В настоящее время большое значение приобретают исследования, посвященные роли персонифицированных идентификаторов в символической политике. Эти идентификаторы выступают в качестве инструмента и ресурса, которые власть использует для осуществления политики идентичности.

В.Д. Бередсон в своей работе определил персоналистский идентификатор как «имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский / персонифицированный образ)» (Бедерсон, 2016).

Персоналии и личности в данной парадигме рассматриваются не столько как индивидуальности, сколько как носители определенных политических идей, ценностей и ассоциаций. Их образ, характеристики и действия используются для формирования определенных политических сообщений, а также для мобилизации общественной поддержки, укрепления легитимности политических решений и установления определенных политических концепций.

В данном контексте становится важным использование термина «актор политики идентичности» для обозначения политической группы, деятельность которой направлена на установление доминирования определенных символов, образов и, в конечном итоге, определенной версии идентичности, которая служила бы легитимным основанием для получения различных благ.

В исследовании обнаруживается приоритетность влияния политического актора, который может выступать в качестве индивидуальной личности, политического лидера или другой политической силы, обладающей возможностью активного участия в политической жизни. Персона может воздействовать на формирование идентичности, мобилизацию общественной поддержки, конфликтные и коалиционные процессы, а также на трансформацию политических институтов и норм (Кудряшова, 2024).

Потребность в адаптации и трансляции идеологических конструкций на уровень массового потребления, как это описывает концепция метанарратива Г. Гилла (Gill, 2013), характерна для всех современных государств. «Существует общая необходимость в эффективной политической коммуникации, которая способствует долгосрочной стабилизации отношений доминирования, формируя легитимное восприятие социального мира и разнообразные ритуалы. Их функциональная роль заключается в вовлечении населения в воспроизводство символического порядка на массовом уровне» (Gill, 2013).

В механизме символической политики есть еще третья группа акторов — это социальные аудитории, выступающие потребителями или, точнее, активными адресатами соответствующих идеологических текстов. «Индивиды формируют свои представления о социальном мире, исходя из актуального для них набора информационных ресурсов и опыта повседневной жизни» (Березняков, Козлов, 2015).

В условиях глобализации и современных вызовов, таких как миграция и культурные изменения, граждане Азербайджана продолжают воспринимать народ как символ своей страны. Это восприятие становится особенно актуальным в контексте сохранения национальной идентичности.

В рамках проведенной серии фокусированных групповых интервью было выяснено, какая идентичность преобладает среди опрошенных: общегражданская (я – гражданин(–ка) Азербайджана), территориальная — (я – житель Баку), религиозная (я – представитель своей религии), этническая (я – азербайджанец(–ка)) или же политическая (я – представитель определенных политических взглядов).

Исходя из полученных данных, можно сказать, что информанты прежде всего считают себя гражданами Азербайджана. Отвечая на вопрос о том, с чем был связан такой выбор, информанты говорили о том, что человеку свойственно ассоциировать себя с какой-то страной, понимать, где его корни, традиции, какая страна за него в ответе, какую страну он в свою очередь должен защищать. На втором месте в иерархии находится этническая идентичность. Она появлялась

в выборе первых трех достаточно часто, значительно опережая остальные виды идентичностей.

При этом стоит отметить, что вне зависимости от национальности информанты подчеркивали равенство всех в своей стране и необходимость понимать свое происхождение: «в какой бы стране человек ни жил, он должен всегда чувствовать себя тем, кем он родился»³. Реже возникали отсылки к территориальной и религиозной идентичности.

Количественный же опрос, проведенный среди граждан Азербайджана, продемонстрировал, что народ Республики Азербайджан оказался на одном уровне по значимости с гимном страны, при выборе политических символов. Этот факт подчеркивает, что народ как социальные аудитории, выступающие потребителями или, точнее, активными адресатами соответствующих идеологических текстов, воспринимается не менее значимо при формировании единства и национального самосознания.

Заключение

В условиях глобальных трансформаций символическая политика Азербайджана направлена на сохранение исторических традиций и адаптацию к современным реалиям. Это направление позволяет стране не только укреплять свою национальную идентичность, но и эффективно реагировать на вызовы времени. Образ народа как политического символа становится ключевым элементом в конструировании будущего страны, обеспечивая преемственность и динамичное развитие национальной идентичности. Он способствует формированию единого национального сознания, что особенно важно в условиях глобализации, когда культурные и политические идентичности подвергаются значительным изменениям.

Такой комплексный подход позволяет не только сосредоточиться на действиях политической элиты и легитимации политического режима, но и принять во внимание других политических акторов, а также исследовать новые аспекты политики — конкуренцию за смыслы и различные формы закрепления в социальной памяти.

В современном мире, где информация быстро распространяется и различные идеологии соперничают за внимание граждан, способность формировать и контролировать смысловые рамки становится ключевым фактором. Политические акторы стремятся влиять на общественное восприятие происходящих событий, создавая свои интерпретации и нарративы. Также комплексный подход позволяет рассмотреть различные формы закрепления в социальной памяти. Это включает в себя анализ того, как исторические события, символы и образы сохраняются и интерпретируются в обществе, а также как они влияют на текущие политические процессы. Важно понимать, что коллективная память формирует идентичность нации и может служить основой для политических действий и решений.

Поле публичной политики открыто для участия многочисленных политических акторов, которые вынуждены реагировать на действия своих конкурентов. Это, в свою очередь, приводит к неизбежной эволюции технологий и инструментов, используемых для конструирования реальности.

³ Отчет по итогам поискового качественного социологического исследования «Описание процесса формирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе (на примере Азербайджанской Республики)». Астрахань, 2023.

Это приводит к созданию среды, в которой каждый политический актор пытается найти новые способы воздействия на общество и формирование реальности. Чтобы оставаться конкурентоспособными, они должны адаптироваться к изменениям в общественном мнении, использовать актуальные технологии и инновационные подходы. Такое взаимодействие неизбежно приводит к эволюции технологий и инструментов, применяемых для конструирования реальности. Например, использование социальных сетей и цифровых платформ становится ключевым элементом в политической коммуникации, позволяя быстро донести информацию до широкой аудитории. Это также способствует более активному участию граждан в политических процессах, что требует от политиков новых стратегий и методов взаимодействия с обществом. Таким образом, поле публичной политики, насыщенное разнообразием акторов и их инициатив, становится ареной постоянного обновления и совершенствования технологий, что в конечном итоге влияет на формирование общественного сознания и политической реальности.

Библиографический список

- Бабайцев, А. В. (2014). Подходы к определению понятия «Политический символ». *Символическая политика*, 2, 18–23.
- Бедерсон, В. Д. (2016). Политика идентичности регионов современной России: сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 16(1), 33–99.
- Березняков, Д. В., Козлов, С. В. (2015). Символическая политика постсоветской Украины: между «советским прошлым» и «европейским будущим». В О. Ю. Малинова (ред.) *Символическая политика* (с. 171–191). Москва: Политические функции мифов.
- Ефремова, В. Н. (2014). *Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России* (кандидатская диссертация). Москва.
- Ефремова, В. Н. (2015). О некоторых теоретических особенностях исследования символической политики. В О. Ю. Малинова (ред.) *Символическая политика* (с. 50–65). Москва: Политические функции мифов.
- Кобб, Р. (2009). Использование символов в политике. *Политическая лингвистика*, 29, 131–145.
- Кудряшова, Е. В. (2024). Конструирование новых идентичностей в контексте символической политики стран Каспийского региона. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety&Security*, 4(2), 29–34.
- Лосев, А. Ф. (1991). *Философия. Мифология. Культура*. Москва: Политиздат.
- Лотман, Ю. М. (2010). *Семиосфера*. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ.
- Малинова, О. Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис*, 2, 90–105.
- Карабущенко, П. Л. (2024). *Политическая культура*. Санкт-Петербург: Лань.
- Соловей, Т. Г. (2013). Политическая символика как способ политической коммуникации. В *Европа: актуальные проблемы этнокультуры* (с. 108–109). Минск: БГПУ.
- Edelman, M. (1964). *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: Univ. of Illinois press.
- Edelman, M. (1971). *Politics as Symbolic Action*. Chicago: Markham Pub.
- Gill, G. J. (2013). *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge: Cambridge univ. press.
- Sperber, D. (1975). *Rethinking Symbolism*. London: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 14.10.2024
Статья принята к публикации 11.12.2025

AZERBAIJAN'S SYMBOLIC POLICY: TRANSFORMATION IN THE CONTEX TO CONTEMPORARY CHALLENGES

E. V. Kudryashova

Ekaterina V. Kudryashova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Tatishchev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russia.

E-mail: eafanasova@mail.ru. ORCID 0000-0002-9943-6394.

Acknowledgement. The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 "The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security".

Abstract. In the context of contemporary global challenges and internal transformations, the symbolic dimensions of politics are gaining increasing importance for social consolidation and the legitimation of political power. This study provides a comprehensive analysis of the mechanisms and actors of symbolic politics in the Republic of Azerbaijan, aimed at constructing national identity and shaping historical memory. The theoretical and methodological framework of the research is based on classical and contemporary concepts of political symbolism developed in the works of M. Edelman, A. F. Losev, Yu. M. Lotman, R. Cobb, and C. Elder, as well as scholars such as O. Yu. Malinova and A. V. Babaytsev. In this article, a political symbol is defined as a complex and multidimensional phenomenon that exerts a significant influence on the emotional and value-oriented sphere and functions as a mediator between the individual and socio-political reality. The empirical basis of the study relies on a mixed-method approach combining quantitative and qualitative research strategies. The results demonstrate a high degree of personalization within Azerbaijan's political space. Qualitative analysis reveals the predominance of civic identity ("citizen of Azerbaijan") over ethnic, religious, and territorial forms of identification, which indicates the effectiveness of state policy in the field of nation-building. Based on the empirical findings, the article proposes a three-level model of actors involved in symbolic politics: (1) political and intellectual elites who define the main interpretative frameworks of reality; (2) professionals in the fields of culture, media, and education who act as intermediaries and co-creators of symbols; and (3) social audiences who not only consume but actively reinterpret the proposed symbolic constructs. The study concludes that symbolic politics in Azerbaijan represents a dynamic and multifaceted process that successfully combines references to historical heritage with projections onto contemporary realities. The formation of a stable civic identity and the emphasis on the image of the people as a central symbolic element enable the country to respond effectively to the challenges of globalization, ensuring internal stability and the continuity of national development.

Keywords: symbolic politics, symbol, political symbol, national identity, Azerbaijan Republic.

For citation: Kudryashova E. V. Azerbaijan's Symbolic Policy: Transformation in The Context to Contemporary Challenges. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2026. Vol. 27. No 1. Pp. 35–48.

References

- Babaytsev, A. V. (2014). Podkhody k opredeleniyu ponyatiya "Politicheskii simvol" [Approaches to the Concept Definition of "Political Symbol"]. *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Policy], 2, 18–23.
- Bederson, V. D. (2016). Politika identichnosti regionov sovremennoi Rossii: sravnitel'nye kharakteristiki personalistskikh identifikatorov [Identity Policy of Regions in Contemporary Russia: Comparative Characteristics of Personalistic Identifiers]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 16(1), 33–99.
- Berezhnyakov, D. V., Kozlov, S. V. (2015). Simvolicheskaya politika postsovetsoi Ukrainy: mezhdru "sovetskim proshlym" i "evropeiskim budushchim" [Symbolic Politics of Post-Soviet Ukraine: between 'Soviet Past' and 'European Future']. In O. Yu. Malinova (Ed.) *Simvolicheskaya politika* (pp.171–191) [Symbolic Policy]. Moskva: Politicheskie funktsii mirov.

- Edelman, M. (1964). *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: Univ. of Illinois press.
- Edelman, M. (1971). *Politics as Symbolic Action*. Chicago: Markham Pub.
- Efremova, V. N. (2014). *Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [State Holidays as Instruments of Symbolic Policy in Modern Russia] (Candidate's Thesis). Moskva.
- Efremova, V. N. (2015). O nekotorykh teoreticheskikh osobennostyakh issledovaniya simvolicheskoi politiki [On Certain Theoretical Aspects of the Study of Symbolic Politics]. In O. Yu. Malinova (Ed.) *Simvolicheskaya politika* (pp. 50–65) [Symbolic Policy]. Moskva: Politicheskie funktsii mifov.
- Gill, G. J. (2013). *Symbolism and Regime Change in Russia*. Cambridge: Cambridge univ. press.
- Karabushchenko, P. L. (2024). *Politicheskaya kul'tura* [Political Culture]. Sankt-Peterburg: Lan'.
- Kobb, R. (2009). Ispol'zovanie simvolov v politike [The Political Uses of Symbolism]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 29, 131–145.
- Kudryashova, E. V. (2024). Konstruirovaniye novykh identichnostei v kontekste simvolicheskoi politiki stran Kaspiiskogo regiona [Construction of New Identities in the Context of Symbolic Policy of the Caspian Region Countries]. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety&Security*, 4(2), 29–34.
- Losev, A. F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura*. [Philosophy. Mythology. Culture.] Moskva: Politizdat.
- Lotman, Yu. M. (2010). *Semiosfera* [Semiosphere]. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SP B.
- Malinova, O. Yu. (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii [Symbolic Politics and the Constructing of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia]. *Polis* [Polis. Political Studies], 2, 90–105.
- Solovei, T. G. (2013). Politicheskaya simvolika kak sposob politicheskoi kommunikatsii [Political Symbolism as a Mode of Political Communication]. In *Evropa: aktual'nye problemy ehnikul'tury* (p.108–109). Minsk: BGPU.
- Sperber, D. (1975). *Rethinking Symbolism*. London: Cambridge University Press.

Received 14.10.2024

Accepted 11.12.2025

© 2026 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license — <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>